

АНАСТАСИЯ АБРАМОВА
АНАСТАСИЯ ШЕРР

18+

Я ВЕРНУЛАСЬ,
ЧТОБЫ
ОТОМСТИТЬ

18+

Анастасия Шерр

Я вернулась, чтобы отомстить

«Автор»

2026

Шерр А.

Я вернулась, чтобы отомстить / А. Шерр — «Автор», 2026

Почти восемь лет назад Виктор Гордеев решил, что мой отказ ничего не значит. Когда я пришла просить о помощи для нашей новорождённой дочери, он приказал охране вышвырнуть меня. На следующий день мне сообщили, что Полина умерла. А когда я потребовала показать ребёнка, меня заперли в клинике. Теперь у меня другое лицо и другое имя. Я вернулась, чтобы заставить Гордеева захотеть меня, подобраться к нему и отнять всё, чем он дорожит. Но в его кабинете я встречаю семилетнюю девочку. Мою дочь. Пока я оплакивала её, он растил Полину и уверял, что мать её бросила. Теперь мне мало мести. Я заберу своего ребёнка.

© Шерр А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	6
АННОТАЦИЯ	7
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	14
ГЛАВА 5	16
ГЛАВА 6	18
ГЛАВА 7	20
ГЛАВА 8	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анастасия Абрамова, Анастасия Шерр

Я вернулась, чтобы отомстить

Анастасия Абрамова

Анастасия Шерр

Я вернулась,

чтобы отомстить

18+

ДИСКЛЕЙМЕР

Роман предназначен для читателей старше 18 лет. Все персонажи и события вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми и обстоятельствами случайны. Книга содержит сцены физического и сексуального насилия без подробного описания, незаконного удержания, угроз и жестокого обращения. В ней затрагиваются темы разлуки с ребёнком и последствий пережитого насилия. Поступки персонажей не служат оправданием жестокости.

АННОТАЦИЯ

Почти восемь лет назад Виктор Гордеев решил, что мой отказ ничего не значит. Когда я пришла просить о помощи для нашей новорождённой дочери, он приказал охране вышвырнуть меня. На следующий день мне сообщили, что Полина умерла. А когда я потребовала показать ребёнка, меня заперли в клинике.

Теперь у меня другое лицо и другое имя. Я вернулась, чтобы заставить Гордеева захотеть меня, подобраться к нему и отнять всё, чем он дорожит. Но в его кабинете я встречаю семилетнюю девочку. Мою дочь. Пока я оплакивала её, он растил Полину и уверял, что мать её бросила. Теперь мне мало мести. Я заберу своего ребёнка.

ГЛАВА 1

Я узнала его по рукам. Гордеев перевернул страницу, прижал её двумя пальцами и потянулся за бокалом, даже не взглянув на меня. На костяшке среднего пальца белел короткий шрам. Почти восемь лет назад он разбил мне этой рукой губу. Я помнила вкус крови и его пальцы у своего лица, хотя годами старалась забыть. Поднос качнулся. Несколько капель виски попало на стеклянное дно, и я вытерла их салфеткой, пока он изучал бумаги. Нельзя было уронить бокал. Нельзя было выдать себя в первую же минуту, когда за моей спиной оставался открытый проход, а передо мной сидел человек, ради которого я вернулась в этот город.

— Ещё виски, красавица, — произнёс он, протягивая бокал. Я поставила поднос на откидной столик, наклонилась за бутылкой и поймала его взгляд в тёмном окне. Гордеев рассматривал меня уже без всякого интереса к документам. — Раньше тебя здесь не видел. Новенькая?

— Сегодня подменяю коллегу, Виктор Борисович, — ответила я, наливая ровно столько, сколько он выпил за предыдущий час. Голос прозвучал спокойно. Я даже смогла улыбнуться, когда он прочитал имя на бейдже и задержал на нём взгляд. — Ева. Обращайтесь, если что-нибудь понадобится.

Я слишком хорошо знала, что ему может понадобиться. Ева Лебедева работала бортпроводницей, помнила пожелания пассажиров и могла поправить салфетку, не коснувшись чужой руки. Дарья Белова когда-то подавала этому мужчине меню и краснела, если он улыбался. Я потратила пять лет на то, чтобы перестать быть похожей на неё. Теперь держала бутылку двумя руками, боясь, что пальцы подведут. Воронцов предупреждал о проверке, о вопросах, о необходимости держаться непринуждённо. Ни разу не сказал, что у Гордеева могут оказаться все те же руки.

— А после посадки что делаешь? — Он перехватил моё запястье, когда я забирала использованную салфетку. Я почувствовала, как холодеет спина, и едва не выдернула руку. — Поужинаем. Заодно познакомимся без этой формы.

— После посадки у меня ещё работа, — сказала я и повернула запястье, заставив его ослабить пальцы. Улыбку удержала с трудом. — Сегодня не получится. Иначе из-за нашего ужина кто-нибудь останется без чистых чашек.

Он рассмеялся. За соседним креслом поднял голову его спутник, но Гордеев уже отпустил меня и вернулся к папке. Я ушла за перегородку, поставила бутылку и упёрлась ладонями в рабочую поверхность. Колени дрожали. За тонкой стенкой разговаривали о встрече, которая должна была состояться вечером, о машине, о каком-то человеке, не выполнившем обязательства. Я прислушивалась к голосу Виктора и чувствовала, что вот-вот меня вырвет. В сумке лежала коробка с седативными, назначенными врачом, но я оставила её закрытой. На смене нельзя было терять внимательность. Я умылась холодной водой, промокнула лицо и вернулась в салон с кофе.

После посадки его спутник сошёл первым. У трапа уже ждал водитель, второй пилот разговаривал с сотрудником аэродрома. Гордеев медлил, застёгивая пальто. Я проверяла карманы кресел, будто занята исключительно забытыми салфетками, хотя видела, что он загораживает проход. В его самолёте можно было заказать что угодно и остаться на сколько угодно. У меня закончился рейс, а у него только начинался вечер. Он достал телефон, открыл список контактов и подал мне. Я вписала номер, приготовленный для этой жизни. Настоящий, действующий. Воронцов велел не отвечать на первый звонок, чтобы не казаться слишком заинтересованной.

— Ночью не звони, — попросила я, возвращая телефон. Он прищурился, заметив, что я перешла на «ты», и на секунду крепче сжал мою ладонь. — Завтра рано вставать. Ужин — это одно, а выговор от начальства мне ни к чему.

— Посмотрим, Ева, — ответил Гордеев. Улыбка осталась, но руку он отпустил лишь после того, как я встретила с ним глазами. — Я не люблю, когда меня заставляют ждать.

Я спустилась по трапу после него. На ветру стало легче дышать, только ступени приходилось отсчитывать, чтобы не оступиться. В служебной машине телефон зазвонил, когда мы ещё не выехали с аэродрома. Незнакомый номер. Я дождалась, пока вызов закончится, и написала Воронцову, что всё прошло по плану. Олег ответил одним словом. «Умница». Я перечитала его сообщение, спрятала телефон и прижала ладонь к губам. Гордеев заинтересовался. Гордеев меня не узнал. Я повторяла это до самого дома, уговаривая себя поверить.

ГЛАВА 2

Почти восемь лет назад мне было восемнадцать. Я жила в съёмной комнате, ходила на работу в ресторан и складывала деньги на учёбу в жестяную коробку из-под печенья. Мама умерла за полгода до моего выпускного. После похорон выяснилось, что её долги гораздо больше накоплений, и я научилась считать, сколько смен нужно взять ради зимних сапог. Гордеев пришёл к нам в конце зимы. Он был старше, хорошо одет, говорил негромко, а люди вокруг торопились выполнить то, о чём он ещё не успел попросить. Я запомнила его улыбку. Дура, мне казалось, что он улыбается именно мне, а не девочке с меню, которую забавно заставить покраснеть.

Татьяна заметила это раньше меня. Мы вместе убрали столы, и она сунула мне стопку салфеток, чтобы я перестала смотреть в зал. Тане было двадцать семь, она успела развестись и воспитывала сына, поэтому считала себя достаточно взрослой, чтобы читать мне нотации. В тот вечер я отмахнулась. Никаких романов заводить не собиралась, тем более с посетителем. Мне нравилось, что красивый мужчина знает моё имя. Этого хватало, чтобы в конце смены лишний раз проверить причёску в зеркале над раковиной.

— Ты с такими осторожнее, Даш, — сказала Татьяна, снимая фартук. — Они привыкли, что им никто не отказывает. Поехали ко мне, поздно уже. Утром вместе вернёмся.

Я отказалась, потому что дома сохло единственное чистое платье на завтра. Вышла через служебную дверь, натянула перчатки и зашагала к остановке. Машина поравнялась со мной у закрытой булочной. Передняя пассажирская дверца распахнулась. Мужчина вышел так быстро, что я успела только прижать сумку к груди. Спросил, хочу ли подзаработать. Я покачала головой и попыталась обойти его. Он схватил меня за талию. Пятка соскользнула с бордюра, колено ударилось о порог, а второй мужчина уже держал открытую дверцу. Я закричала, когда меня затолкнули внутрь. Мимо проехала машина. Никто не остановился.

— Я в ресторане работаю! Вы ошиблись! Что вам нужно?! — Я рванулась к ручке, но сидевший рядом мужчина прижал мою руку к сиденью. От боли выступили слезы. — Отпустите! У меня денег нет!

— Тебя ждут, — бросил он, отбирая сумку. Водитель прибавил громкость радио, и мужчина наклонился к моему лицу. — Будешь орать, свяжу. Поняла меня?

В лифте я попыталась ударить его сумкой, которую мне вернули на выходе из машины. Получила между лопаток так, что перехватило дыхание. Меня втолкнули в квартиру на одиннадцатом этаже. В гостиной горела лампа, на столе стояли бокал и открытая бутылка. Гордеев поднял голову. Я испытала такое облегчение, что едва не разрыдалась. Он меня знает! Он сидел сегодня за третьим столиком, просил принести ему кофе, говорил с администратором. Сейчас объясню, и этот кошмар закончится.

— Виктор Борисович, они меня силой привезли! — Я шагнула к нему, держась за спинку кресла. — Скажите им, что я в ресторане работаю. Я вам сегодня ужин подавала, помните?

— Помню, Даша, — ответил он и посмотрел на мужчин у двери. Те вышли, а я обернулась на щелчок замка. Гордеев поставил второй бокал. — Раздевайся. Пальто в прихожей оставишь.

Я не двигалась. Он протянул виски, и я взяла бокал, потому что руки надо было чем-то занять. Заговорила снова, медленно, стараясь объяснить без крика. Я не соглашалась ехать. Мне нужно домой. Я не понимаю, что происходит. Он слушал с усмешкой, от которой у меня всё сильнее холодело внутри. Когда я поставила нетронутый бокал, Гордеев взял меня за предплечье и потянул к спальне. Я вцепилась в дверную раму. Он разжал мои пальцы по одному и напомнил, как я на него смотрела. Значит, всё-таки понимал. Слышал мой отказ и собирался сделать то, за чем меня привезли.

О той ночи я долго не могла рассказать связно. Помнила закрытую дверь, разорванную ткань и телефон в сумке, до которой не удавалось дотянуться. Я просила отпустить. Кричала, что больно. Он зажимал мне рот, сердился, когда я сопротивлялась, и не остановился, когда сил сопротивляться уже не осталось. Я смотрела на полоску света под дверью и ждала, что кто-нибудь войдёт. Кто угодно. Пусть те мужчины, которые меня привезли, пусть сосед, услышавший крик. До утра дверь так и не открылась.

Когда Гордеев ушёл в ванную, я сползла с кровати и достала сумку. Адрес нашла на конверте, лежавшем на столе. Диспетчер такси дважды переспросила номер дома. Я повторила и попросила водителя подождать, даже если выйду небыстро. Ноги плохо слушались, колготки были порваны, и я искала пальто с таким отчаянием, будто без него меня не выпустят. Гордеев вернулся, вытирая волосы полотенцем. Посмотрел на меня без интереса. Ночная злость исчезла, словно он получил желаемое и больше не видел причин обращать на меня внимание.

— Я уеду, — выговорила я, застёгивая пальто поверх разорванного платья. — Машина уже едет. Откройте дверь.

— Деньги возьми, — сказал он и бросил несколько купюр на постель. Я покачала головой, а он пожал плечами. — Как знаешь. Ключ в замке, повернёшь два раза.

В лифте я отвернулась от зеркала. На улице мороз обжёг лицо, и я чуть не упала, спускаясь с последней ступеньки. Водитель вышел навстречу, но я отшатнулась, прежде чем он успел помочь. Он остановился. Спросил, нужен ли врач, и открыл заднюю дверцу. Я назвала адрес, попросила не разговаривать и всю дорогу держалась за ручку. Мужчина молчал. Ни разу не повернул ко мне головы. Когда мы приехали, он дождался, пока я войду в подъезд, и только тогда уехал.

ГЛАВА 3

Дома я заперлась и села на пол, не снимая пальто. В коридоре ругались соседки, на кухне свистел чайник, кто-то искал пропавшую кастрюлю. Я слышала каждый звук и не могла понять, как выйти к этим людям. Они увидят лицо, порванные колготки, спросят, что случилось. Мне придётся произнести вслух то, о чём ещё не получалось думать. Когда позвонила Татьяна, я не ответила. Она позвонила ещё раз. Прислала сообщение, что администратор ресторана Марина сердится, потому что я пропускаю смену. Я набрала «заболела» и спрятала телефон под пальто.

Таня приехала вечером. Я открыла только после того, как она пригрозила вызвать хозяйку комнаты. Подруга поставила пакет с продуктами на стул и долго смотрела на мою губу. Спросила, кто меня ударил. Я попыталась сказать, что упала, но голос сорвался. Она обняла меня, а я закричала ей в плечо, потому что больше не могла удерживать в себе эту ночь. Татьяна предлагала ехать в больницу, писать заявление, хотя бы показать травмы врачу. Я отказывалась. Повторяла фамилию Гордеева, будто этого достаточно, чтобы стало понятно, почему никуда не поеду. Подруга осталась ночевать. Утром я согласилась на осмотр, но заявление так и не написала. Боялась, что он придёт снова.

В ресторан вернулась через несколько дней. Марина не расспрашивала, разрешила работать в дальнем зале. Татьяна забирала у меня столики, за которыми сидели шумные мужчины. Я злилась на неё за жалость и тут же просила подменить, если кто-то хватал меня за локоть. А через несколько недель задержка заставила купить тест. Я сидела с ним в тесной служебной уборной, пока за дверью не начали стучать. Две полоски. В инструкции было написано, что результат нужно оценить через несколько минут. Я просидела вдвое дольше, надеясь, что одна полоска исчезнет.

— Даш, открой. Тебе плохо? — Татьяна понизила голос, услышав, что я плачу. Я отперла дверь и протянула ей тест. Она прикрыла нас от коридора, обняла за плечи. — Поедем к врачу. Сейчас ничего решать не надо. Сначала поедем.

Беременность подтвердили. Врач задавал обычные вопросы, а я смотрела на его ручку и пыталась вспомнить дату последней менструации. На улице подруга отвела меня к скамье, купила воды и спросила, что я собираюсь делать. Я не знала. Сутки ничего не знала, ходила на работу, считала деньги, плакала в комнате. На вторую ночь проснулась от того, что прижимаю ладонь к животу. Внутри никого не чувствовалось. И всё же я уже боялась сделать что-нибудь не так.

— Он тебя изнасиловал, Даш, — сказала Татьяна, когда я сообщила, что сохраню беременность. Она сидела на краю моей кровати и мялась, не решаясь договорить. — Ты понимаешь, как тебе будет? Я не отговариваю. Я боюсь за тебя.

— Я тоже боюсь, — ответила я, сглатывая слёзы. — Но ребёнка я хочу. Не его, не Гордеева. Ребёнка, Таня. Своего. Он будет моей семьей. Он единственный будет меня любить. Понимаешь?

Она кивнула и осталась помогать разбирать шкаф. Мы сложили вещи на продажу, отобрали те, которые ещё понадобятся, составили список расходов. Жестяная коробка опустела после первых обследований и платы за комнату. Я брала дополнительные смены, пока могла стоять на ногах. Однажды в ресторан пришёл Гордеев. Я увидела его в дверях и развернулась, едва не столкнувшись с официантом. Таня приняла заказ. К концу вечера принесла деньги, которые Виктор оставил для меня. Таня держала купюры на раскрытой ладони, а я смотрела на них и не решалась взять.

— Он знает о ребёнке? — спросила она, придвигая стул. — Даш, ты с ним говорила?

— О беременности я ему не говорила, — ответила я, так и не прикоснувшись к деньгам.

— И ты не обязана, — сказала Таня, протягивая мне купюры. Я смотрела на них, чувствуя, как дрожат губы. — Деньги возьми, Даш. Ты за комнату ещё не заплатила. Он от этого лучше не станет, а тебе жить на что-то надо.

Я убрала купюры в отдельный конверт. Долго не тратила, хотя хозяйка уже дважды напоминала о долге. В конце концов заплатила и полночи проплакала, злясь на себя за то, что не смогла отказаться. На следующем обследовании мне сказали, что будет девочка. Я несла домой снимок, прикрывая ладонью от дождя, и впервые за месяцы торопилась не из страха опоздать на работу. Дома положила фотографию на стол, достала купленный комбинезон и назвала дочь Полиной. Так звали мамину младшую сестру, умершую в детстве. Мама когда-то говорила, что любит это имя. Мне хотелось дать дочери хоть что-нибудь от неё.

Осенью роды начались ночью. Татьяна приехала с такси, помогла спуститься и отвезла меня в роддом. В сумке лежал комбинезон, пелёнки и бумажка с её номером. Я боялась потерять бумажку сильнее, чем документы. В приёмном отделении несколько раз спросила, можно ли будет позвонить подруге. Медсестра повторяла, что можно, но я всё равно переспрашивала. Когда Полину на короткую минуту положили мне на грудь, я увидела сморщенное сердитое лицо и расплакалась. Она была живой, тёплой, моей. Я успела коснуться пальцем крошечной щеки, прежде чем дочь унесли осматривать.

ГЛАВА 4

Меня выписали, а Полина осталась в детском отделении. Врачи обнаружили проблему с сердцем, говорили о дополнительном обследовании и переводе к специалистам. Я приезжала каждый день. Сдавала у входа пальто, мыла руки, ждала, когда разрешат пройти к дочери. Валерий Николаевич Левин, заведующий отделением, каждый раз просил не мешать работе. Однажды вызвал к себе и положил передо мной распечатку из частной клиники. Там готовы принять Полину, но требовалась оплата. Я спросила о бесплатном переводе, о направлении, о том, сколько мы можем ждать. Он ответил уклончиво. Сказал лишь, что время идёт, а нужного специалиста здесь нет. Я вышла из кабинета уверенная, что должна найти деньги сегодня.

Татьяна выложила на стол свои накопления. Их хватило бы на небольшую часть счёта. Мы обзвонили знакомых, Марина предложила собрать деньги среди сотрудников, но я уже понимала, к кому придётся идти. Гордеев мог заплатить. Сумма, от которой у меня темнело в глазах, его едва ли бы испугала. Таня нашла адрес компании. Пока я записывала его, сообщила, что Виктор недавно женился. Я выдернула у неё телефон, чтобы сохранить карту. Меня не интересовали ни его свадьба, ни жена. Я собиралась просить для Полины.

— Только поедem вместе, — сказала Татьяна, снимая с крючка куртку. Я остановила её, напомнив о сыне, которого нужно забирать из сада. Она выругалась и крепко сжала моё плечо. — Тогда позвони мне, как выйдешь. Не пропадай, слышишь?

В офис меня не пустили. Я ждала на улице, переступала с ноги на ногу и разглядывала каждую машину, выезжавшую из подземной стоянки. Когда Гордеев появился у центрального входа, я бросилась через дорогу. Охранник перехватил меня за плечи. Я закричала, что у меня к Виктору дело, и вытянула руку с медицинскими бумагами. Он остановился. На секунду мне показалось, что узнал и хотя бы поэтому велит отпустить. Он действительно махнул охраннику, но лицо осталось скучающим.

— Я родила дочь. От вас, — начала я, расправляя смятый лист. — Ей нужна помощь. Вот заключение и счёт, вы можете позвонить в больницу. Я не прошу денег для себя. Оплатите им, пожалуйста. Я верну, все верну.

— Как же вы достали. — Он посмотрел на протянутую бумагу, не взяв её. Я шагнула ближе, и его взгляд стал злым. — Даша, не надо устраивать представление. Уходи.

— Это твоя дочь! — я уже кричала, не думая, кто оборачивается на нас. — Полина! Ей ещё месяца нет! Ты можешь хотя бы врача выслушать? Ты не обязан мне верить, позвони туда! Виктор, пожалуйста!

Я задыхалась, путалась в словах, совала ему заключение. Гордеев повернулся к охране. Меня оттащили так резко, что ладонь проехала по асфальту, когда я упала. Машина у входа затормозила. Водитель выбежал, помог подняться, спросил, нужна ли скорая. Я мотала головой и собирала разлетевшиеся листы. Виктор стоял у дверцы, не делая ни шага. Телефон в его руке светился. Я видела, как он отвечает кому-то, пока на мою бумагу с назначениями наступает охранник.

Дождавшись, когда он скроется в машине, я позвонила Татьяне. Не смогла сказать, что отказал, только повторяла, что еду в больницу. Подруга обещала приехать утром, когда отведёт сына. В отделении меня пустили ненадолго. Я держала Полину, считала ресницы, гладила щёку и шептала, что найду деньги. Медсестра забрала дочь перед очередным осмотром. Левин разрешил мне подождать в свободной комнате для матерей. Я сидела на жёсткой кушетке в пальто, пока не уснула, сжимая в руке телефон. Во сне кто-то брал у меня сумку. Я попыталась удержать, но не проснулась.

Утром заведующий остановил меня у дверей детской. Говорил ровно, будто зачитывал чужую историю болезни. Полина умерла ночью. Я переспросила. Он повторил. Попросила

пустить меня к ней, а он отвёл взгляд и сказал, что тело уже отправили на кремацию. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять эти слова. Ночь едва закончилась. Я находилась в соседней комнате. Никто меня не будил, никто ни о чём не спрашивал!

— Покажите мне дочь! — Я ухватилась за его халат. Левин отступил, но я шагнула следом. — Какую кремацию? Вы о чём говорите?! Я её мать! Где Полина?!

— Успокойтесь. Вы мешаете людям, — произнёс он и посмотрел поверх моего плеча. Я услышала торопливые шаги, но не отпустила ткань. — Вам помогут. Только перестаньте кричать.

— Мне не помощь нужна! Дочь отдайте! — закричала я, когда меня схватили сзади. Пальцы разжали, руку выкрутили, и белый халат отделился. Я ещё видела Левина и всю орала. — ТЫ ВРЁШЬ! ДАЙ МНЕ ЕЁ УВИДЕТЬ!

Игла вошла в руку, пока я пыталась вырваться. Меня опустили на кушетку. Кто-то придерживал голову, кто-то велел не мешать врачам. Последнее, что я запомнила, был мой телефон в кармане чужого халата. Он звонил. Я видела, как сотрудник нажимает кнопку, отклоняя вызов, и пыталась сказать, что это Татьяна. Пусть ответят. Пусть хотя бы она услышит, где я. Губы шевелились, но звука уже не получалось.

ГЛАВА 5

Я очнулась в комнате с решёткой на окне. Первым делом попыталась найти сумку. Её не было ни под кроватью, ни на стуле. В дверях торчала ручка без замочной скважины, и я несколько раз нажала на неё, прежде чем начала стучать. Пришла медсестра. На вопросы о Полине она ответила, что ребёнка здесь нет, а мне нужно лечиться. Я просила телефон, называла Татьянин номер, пыталась объяснить, что меня привезли по ошибке. Женщина смотрела на часы. Видно было, что она ждёт, когда я закончу, чтобы закрыть дверь.

— Я не подписывала согласия! — закричала я, отталкивая одеяло, которым она пыталась укрыть мне плечи. — Позовите врача! Я сейчас уйду отсюда, слышите? У меня дочь в другой больнице!

— Ваши документы оформлены, — ответила она. За её спиной появился санитар, и я отступила к кровати. — Успокойтесь, Дарья. Чем больше вы себя накручиваете, тем труднее будет лечение.

Документов мне не показали. Укол сделали, когда я попыталась проскользнуть к выходу. Через несколько дней, насколько я могла судить по смене света за окном, врач разрешил позвонить. Я обрадовалась так, что не поняла подвоха. Меня посадили у стола, дали бумагу и велели написать, кому собираюсь звонить и что скажу. Я написала Татьянин номер, адрес ресторана, имя хозяйки комнаты. Врач убрал лист в папку. Телефона в кабинете я так и не увидела. Позже медсестра сказала, что связь с прежним окружением пока нежелательна.

Первые месяцы я пыталась бежать. Однажды добралась до лестницы и почти успела открыть дверь, но санитар схватил меня за одежду. Я упала на ступени, разбила ладони и кричала, пока меня тащили обратно. После этого из комнаты убрали стул. Я перестала спать ночами, ждала утреннего обхода и каждый раз спрашивала, на каком основании меня держат. Ответы менялись. Острое состояние. Необходимость наблюдения. Добровольное лечение. Я требовала показать подпись, и врач сердился. Вечером мне снова делали укол. Через несколько недель я поймала себя на том, что боюсь произносить имя дочери вслух.

Назар появился в моей жизни с карандашом. Молодой медбрат, ещё неловкий в новой работе, он заметил, как я черчу ногтем по бумажной салфетке. Принёс огрызок простого карандаша и несколько чистых листов. На следующий день я показала ему Полину. Нарисовала по памяти Полинино лицо, которое с каждым днём боялась забыть. Назар долго рассматривал рисунок и спросил, сколько ей было. Я ответила и заплакала. Он не велел прекращать. Присел на корточки у кровати, подождал, пока я смогу говорить, и оставил мне ещё бумагу.

— Позвони моей подруге, — попросила я, когда его дежурство повторилось. Написала номер, который помнила, и сунула лист ему в ладонь. — Мне никто не верит. Скажи, что я здесь. Только адрес скажи, она придет.

— Я спрошу у заведующего, — ответил Назар, пряча записку. Я вцепилась ему в рукав, но он осторожно высвободился. — Даша, я не могу так. Меня уволят.

Он не позвонил. Принёс карандаши, помог промыть расцарапанную руку, но не позвонил. Я возненавидела его за это почти сильнее остальных, потому что ждала помощи именно от него. Лишь через много месяцев смогла разговаривать без упрёков.

Назар сказал, что видел мою историю болезни и там стоит согласие на лечение. Я попросила дать посмотреть, но он отказался. С тех пор я записывала на обороте рисунков фамилии врачей, даты, которые удавалось узнать, названия лекарств с упаковок. Прячала листы под матрас. Боялась, что однажды мне скажут, будто и этих лет не было.

Через два года в комнату вошёл Олег Воронцов. Принёс торт, который поставил на край стола, и назвался моим знакомым, хотя я видела его впервые. Санитар отступил в коридор. Дверь осталась приоткрытой. Я смотрела на эту щель, пока санитар ставил для Воронцова стул,

а тот снимал перчатки и разглядывал мои рисунки. Он назвал Полину по имени. Я подняла голову. Олег сказал, что знает о больнице и о том, кто оплачивал моё пребывание здесь. Борис Павлович Гордеев. Отец Виктора.

— Почему? — спросила я. Голос оказался сиплым, и пришлось откашляться. — Что я ему сделала? Я его даже не знаю!

— Ты мешала его сыну, — ответил Воронцов. Он подвинул ко мне коробку, но я оттолкнула её. — Мне тоже есть что им предъявить. Мы вместе строили компанию, пока Борис не решил, что партнёр ему больше не нужен. Я хочу вернуть своё. А ты хочешь выйти отсюда.

Я слушала, не шевелясь. Мне было всё равно, какую компанию у него отняли. Он мог подняться со стула, открыть дверь и уйти. Я не могла. Воронцов сказал, что уже разговаривал с руководством, готов оплатить независимое обследование и забрать меня. За помощь потребовал помочь ему в ответ. Гордеев должен приблизить к себе женщину, которой будет доверять. Олег оплатит лечение, обучение, всё, что понадобится. Я стану этой женщиной. Я смотрела на него, пыталась представить себя с Виктором и чувствовала, как подступает тошнота. Но за дверью слышались шаги санитара. Здесь меня ждал ещё один год. Или десять.

— Вытащите меня отсюда, — попросила я. Воронцов замолчал, давая возможность сказать самой, и я договорила, глядя на рисунки. — Я помогу. Только выведите. Больше я здесь не выдержу.

— И мы поженимся, — добавил Олег, словно это было частью разговора о врачах. Я подняла на него глаза. Он улыбнулся и коснулся моей руки. — Мне нужно знать, что ты останешься со мной. А тебе нужен человек, который за тебя отвечает.

Я убрала ладонь, но не сказала «нет». Воронцов это заметил. Позвал заведующего, заговорил с ним о выписке, не меняя ласкового тона. Тот слушал и кивал. Я сидела за столом, прижимая колени друг к другу, и думала только о том, что скоро выйду на улицу. Про брак, про месть, про чужие условия буду думать снаружи. Там, где воздух и свобода.

ГЛАВА 6

Перед выпиской Назар вернул мне сумку. В ней лежали паспорт, старая расчёска, кошелёк и больничные бумаги, с которыми я пришла просить помощи у Гордеева. Телефон исчез. Я перебирала вещи, пытаюсь вспомнить, сколько денег было в кошельке, и злилась на себя за эту мелочь. Два года пропало, а я считала купюры. Рисунки сложила сверху. Несколько листов оставались в истории болезни, врач когда-то забрал их для своих записей. Я потребовала вернуть. Заведующий пообещал разобраться позже и посмотрел на Воронцова. Мне стало страшно, что из-за рисунков передумают выпускать. Я застегнула сумку.

— Седов, — сказал Назар у выхода, когда я спросила его фамилию. Он написал номер на обороте выписки и отдал мне. — Даша, если понадобится вспомнить что-нибудь про отделение, звони. Я постараюсь помочь.

— Только ответь, когда позвоню, — попросила я. Хотелось припомнить записку Татьяне, но сил на ссору не осталось. Назар кивнул и отступил, пропуская меня к двери. Я оглянулась уже на ступеньках. Он всё ещё стоял в коридоре, придерживая ручку, чтобы дверь не захлопнулась у меня за спиной.

Воронцов привёз меня в гостиницу. В номере стояли цветы, фрукты, коробки с одеждой. Я прошла мимо них к окну и открыла створку. Из двора слышался шум машин, кто-то смеялся под окнами. Я смотрела вниз, пока Олег рассказывал о завтрашнем обследовании, и плакала, не вытирая лица. Он подошёл, хотел обнять. Я вздрогнула. Воронцов убрал руки и предложил отдохнуть. Назвал время приезда, положил на стол деньги и новый телефон. В дверях напомнил о нашей договорённости.

— Я вас почти не знаю, — сказала я, удерживая дверь, когда он потянулся закрыть её. — Понимаю, что обещала. Но мне нужно время. Хотя бы немного.

— Времени будет достаточно, — ответил Олег. Он погладил меня по щеке, и я заставила себя не отстраняться. — Свадьба через несколько месяцев. Сперва встанешь на ноги. Я же не чудовище, Даша.

Ночью я ходила проверять замок. Поворачивала ручку, открывала дверь на ширину ладони и убеждалась, что могу выйти. Утром официант спросил, почему я не заказала завтрак, и я растерялась. В клинике еду приносили по часам, отказ становился поводом для разговора с врачом. Здесь нужно было самой выбрать. Я попросила яичницу, кофе и хлеб. Пока ждала, заплакала. Официант сделал вид, что не заметил, принёс салфетки и поставил чашку так, чтобы я не опрокинула её дрожащими руками.

Через неделю я попыталась найти Татьяну. Старый номер не отвечал. В ресторане, куда мы приехали с Олегом, теперь был магазин. Хозяйка комнаты сказала, что Таня приходила после моего исчезновения, забрала часть вещей и больше не появлялась. Где живёт, не знала. Я просила Воронцова разыскать её. Он обещал. Привёз мои старые бумаги, договорился с хозяйкой вернуть оставшуюся одежду и сообщил, что подруга переехала, вышла замуж и сменила фамилию. Я хотела продолжать поиски, но каждое утро меня везли к очередному врачу. Олег говорил, что нужно восстановиться, а с остальным он разберётся.

О Полине я спросила, когда смогла говорить без крика. Потребовала свидетельство о смерти, объяснение, хоть какую-нибудь бумагу, которую раньше не давали в руки. Олег привёз копию медицинского заключения. Там стояло её имя, дата рождения и другая дата, последняя. Я провела по ней пальцем. Попросила показать место захоронения. Воронцов отвёл взгляд и сказал, что документы о кремации найти не удалось. Я выругалась, смяла копию и швырнула в него. Он не рассердился. Поднял лист, расправил, положил мне на колени. Обещал, что Гордеевы ответят за всё. В тот вечер мне хотелось не смотреть на эти бумаги, а убить человека, который отказался оплатить лечение. Олег сидел рядом и позволял говорить.

Месяцы уходили на обследования, приёмы, попытки наладить сон. Врач, к которой меня отвозили, разговаривала иначе, чем в клинике. Не запрещала плакать, не требовала забыть. Спрашивала, чего я хочу сама. Я отвечала, что хочу вернуть дочь. Считала её умершей и всё равно не могла хотеть ничего другого. На этом разговор обычно обрывался. Дома Олег просил не увлекаться разговорами о самостоятельности. Мне нужно поправиться. Мне нужно работать над собой. Мне нужно помнить, ради чего он старается. Я кивала, потому что боялась остаться без жилья, денег и единственного человека, который знал всю мою историю.

— Почему ты выбрал именно меня? — спросила я однажды за ужином. Воронцов отложил вилку и посмотрел на меня внимательно. — Ты же не знал меня раньше. Как узнал о клинике?

— Проверял расходы Бориса, — ответил он. — Через знакомых вышел на учреждение, которое он оплачивал. Начал выяснять, кого там держат. Ты не первая пострадала от его решений, Даша. Зато можешь стать последней.

Он говорил уверенно, и я снова поверила. Положила заключение о смерти в папку с выпиской, сберегла Назаров номер, стала записывать назначенное лечение. Бумаги занимали всё больше места. Воронцов смеялся, что я превращаю спальню в архив, но не мешал. Я ещё не знала, какие из этих листов настоящие. Не знала и того, как жестоко меня обманули.

ГЛАВА 7

В ЗАГСе я расписалась дрожащей рукой. Воронцов стоял рядом, держал коробочку с кольцом и улыбался сотруднице. Для неё мы были тихой парой, которая не хочет устраивать торжество. Я выбрала скромное платье, Олег заказал цветы. После церемонии мы пообедали в ресторане. Он поднял бокал, пожелал нам терпения и посмотрел на меня так, что я опустила глаза. Фамилию оставила свою. Это оказалось единственным решением, на котором сумела настоять. Дарья Белова, жена Олега Воронцова. Я повторяла эти слова в машине, пытаясь привыкнуть к их значению.

Вечером он хотел близости. Я отстранилась, попросила подождать, и Олег нахмурился. Напомнил, что не собирается причинять боль. Мне стало стыдно за собственный страх. Я позволила ему обнять себя, но через несколько минут вырвалась и заперлась в ванной. Сидела на полу, обхватив колени, пока он стучал и требовал открыть. Не кричал, не угрожал. Я слышала обиженного человека, которому приходится терпеть мою неблагодарность.

— Даша, я ведь не он, — сказал Олег за дверью. Я прижала ладонь ко рту, чтобы он не слышал стука зубов. — Сколько ты ещё будешь наказывать меня за чужие поступки?

— Я не наказываю, — ответила я, едва выговорив слова. — Мне плохо. Пожалуйста, оставь меня сегодня. Я не могу.

Утром он принёс завтрак в постель. Я хотела извиниться, но Олег перебил, заговорил о специалистах, о времени, о том, что у нас всё получится. Несколько недель обходился без прикосновений. Я благодарила его за это, хотя прежде не думала, что можно благодарить мужа за возможность спокойно уснуть. Позже между нами всё-таки появились отношения, о которых я старалась не думать ни до, ни после. Мне казалось, я обязана научиться. Олег оплатил моё освобождение и лечение. Он не делал уколов, не запирали дверь. Я перечисляла это про себя, чтобы не забывать, кто плохой, а кто хороший. Воронцов занялся моей внешностью, когда врачи сочли меня достаточно окрепшей. Изменение формы носа, стоматолог, волосы, кожа, одежда.

Некоторые перемены я хотела сама, от других пыталась отказаться. Олег приносил фотографии, показывал, какой меня видит. Спорил с парикмахером, выбирал оттенок волос, сердился, если я сутулилась. Временами я смотрела в зеркало и не узнавала лицо. Больше всего пугало, что ему это нравилось. Он поворачивал меня к свету, изучал, просил улыбнуться. Я спрашивала, достаточно ли уже изменилась, а он отвечал, что работа ещё не закончена.

Одновременно началась учёба. Я занималась языком, училась пользоваться программами, о которых раньше знала лишь по объявлениям о вакансиях. После лечения прошла необходимое обучение для работы бортпроводницей, сдавала экзамены, проходила медицинские осмотры. Олег сумел устроить мне знакомство с владельцем небольшой компании деловой авиации, но на занятиях сидела я. Первое удостоверение принесла домой с такой гордостью, будто вернула школьный аттестат, потерянный вместе с прежней жизнью. Воронцов похвалил и тут же спросил, долго ли ещё придётся ждать моего первого рейса.

Имя я сменила официально. В новом паспорте значилось «Ева Лебедева». Старые записи никуда не исчезли, брак с Воронцовым оставался действительным, но Олег уверял, что Гордеву незачем искать женщину, которую считает давно пропавшей. К настоящей работе он добавил выдуманную биографию. Другой город детства, другая школа, никаких близких. У меня появились страницы в социальных сетях и фотографии из поездок, на которых я улыбалась одна. Бумаги о перемене имени Воронцов велел хранить отдельно. Я положила их к медицинским документам, не отдав ему оригинал.

— Он может проверить, — сказала я, перебирая новые фотографии. — Узнает прежнее имя, найдёт наш брак. Ты сам говорил, у него везде люди.

— Сначала ему должно прийти в голову это делать, — ответил Олег. Он убрал со стола снимок, на котором я выглядела слишком серьёзной. — Не ищи причины испугаться заранее. Ты работаешь, летаешь, живёшь. Ты не обязана рассказывать любовнику, как тебя звали до знакомства.

Я слушала и хотела верить. Мне было легче верить, чем признать, что вся затея может закончиться ещё одной закрытой дверью. За пять лет после клиники у меня появилась профессия, появились деньги, заработанные мной, но уверенности, что я могу уйти от Олега, не прибавилось. Стоило заговорить о самостоятельной жизни, он доставал счета за лечение. Не требовал вернуть. Оставлял на столе и молчал. Я убирала бумаги обратно, соглашалась продолжить подготовку, а ночью доставала рисунки Полины. С каждым годом на них становилось всё меньше младенческого. Я представляла, какой могла бы вырасти моя дочь, и рисовала девочку с длинными волосами.

ГЛАВА 8

К началу осени у меня было достаточно рейсов, чтобы перестать бояться любой заминки на борту. Я знала, где что лежит, помнила постоянных пассажиров, научилась различать усталость и вежливое желание побыть одному. Коллеги звали меня Евой, и на это имя я уже отзывалась без задержки. Иногда получалось прожить целый день, не услышав в голове голос Гордеева. В такие дни возвращалась домой почти счастливой. Олег замечал настроение и заводил разговор о том, зачем всё начиналось. Я садилась рядом, открывала подготовленную им папку и снова изучала человека, к которому не хотела возвращаться.

В папке были деловые фотографии Виктора, сведения о компаниях, поездках и привычках. О семье написано мало. Жена Лариса, брак заключён семь лет назад, общих детей нет. Я видела их фотографии с нескольких мероприятий. Лариса улыбалась, держась за его руку, а Виктор смотрел мимо фотографа. Мне хотелось понять, знает ли она, с кем живёт. Олег требовал запоминать другое. Что Гордеев пьёт. Какие женщины его привлекают. Как часто бывает в городе. Я спрашивала о документах, подтверждающих смерть Полины, и о том, почему мне не показали дочь перед кремацией. Олег отвечал, что займётся этим, когда мы сможем надавить на семью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.